

ВПЕРВЫЕ за 126 лет своего существования в наш город на гастрод приехал Ростовский академический театр драмы имени Максима Горького. Открылись гастролы спектаклем по пьесе М. Шатрова «Дальше... Дальше... Дальше!». У всех еще на памяти та бурная реакция, которую вызвало опубликование этой пьесы в январском номере «Знамени» за 1988 год. Это сейчас нам ясно, что яростные нападки на шатровскую пьесу были ничем иным, как массивной артподготовкой перед выступлением Нины Андреевой. А тогда, полтора года назад, принять решение о постановке спектакля значило совершить поступок на пределе не столько творческой, сколько гражданской смелости. Достаточно вспомнить, что и МХАТ, и БДТ изменяли свои репертуарные планы и отказались от этой постановки. И то, что сегодня почти все казавшееся в пьесе «безумством храбрых» стало общим местом газетно-журнальной публицистики, не умаляет степени гражданского мужества и политической зрелости, проявленных Ростовским театром.

Постановщик спектакля главный режиссер театра А. Славутский и художник А. Патраков точно уловили суть эволюции драматургического метода Шатрова. Прежнее безоговорочное преклонение перед документальной точностью уже в «Диктатуре совести» было разбавлено пространными цитатами из авторов такого масштаба, как Достоевский и Хе-

мингуэй. В новой пьесе Шатров идет дальше: не только сочиняет свою версию документально зафиксированного факта (последний, предсмертный разговор Орджоникидзе со Сталиным), но и конструирует заведомо невозможные в действительности ситуации (полемика завершающего свой жизненный путь Сталина с

Лениным, Троцким, Керенским).

В решении сценического пространства причудливо сочетаются приметы последней кооперативной квартиры Ленина, интерьеров Смольного института и Таврического дворца, генеральской тюрьмы в Быкове. Портретный грим персонажей отсутствует, хотя в облике каждого есть какие-либо узнаваемые характерные детали. Логика развития действия подчинена логике истории со всеми ее зигзагами возможных и невозможных вариантов.

Существовала ли осенью 1917-го реальная альтернатива Октябрью? Был ли сталинизм единственным возможным вариантом дальнейшего развития событий? Для Шатрова это вопросы отнюдь не риторические, и театр вслед за драматургом дает недвусмысленные ответы. Энергичная решимость генеральской компании в Быкове показана так убедительно, что реальность угро-

зы военной диктатуры и жесточайшего белого террора не вызывает сомнений. Что касается неизбежности сталинизма, то в спектакле ключом к ответу можно считать явно подчеркнутую мысль о том, что своевременное переименование со своих постов и Сталина, и Троцкого могло бы сохранить обоих для партии. Эти ответы

не могут, да и не стремятся претендовать на истину в последней инстанции.

В каждом исполнителе, при твердой убежденности персонажа в своей правоте, словно присутствует второе «я», принадлежащее человеку наших дней, располагающему гораздо большей полнотой информации. Прием способность к такому объективному взгляду со стороны у всех разная. В наибольшей степени ее использует исполнитель роли Ленина М. Бушнов, и это не только предопределено драматургией, режиссерским замыслом, но и заложено в природе актерской индивидуальности. На другом полюсе — Сталин с его полной неспособностью к самоанализу, объективной самооценке. Актеру Н. Сорокину стоит заметных усилий держать себя в узких рамках поставленной задачи. Но именно наличие этих двух полюсов помогает поддерживать напряженность действия, преодолеть

«разговорность» насыщенной идеологичной пьесы.

На второй день гастролей ростовчане играли гоголевского «Ревизора». Это совсем новая работа театра, премьера состоялась в мае. Для того, чтобы ставить сегодня «Ревизора», нужна смелость не меньшая, чем при выборе пьесы Шатрова. Но смелость не-

ловческой, пусть даже самой ничтожной, и обнаружить там если не стремление к совершенствованию, то тоску по утере его. У Хлестакова (артист А. Сутягин) в самые триумфальные моменты вранья вдруг появляются нотки искренней грусти и жалости к себе и к окружающим. Городничий (артист И. Богодух), с веселой, в чем-то даже симпатичной наглостью творящий свои беззакония, к финалу обнаруживает способность испытывать подлинные страдания и нечто очень похожее на раскаяние. И когда под занавес вместо привычной немой сцены мы видим похороны Городничего, это не воспринимается насильем над гоголевским текстом.

В гастрольной афише Ростовского театра есть еще целый ряд произведений, знакомство с которыми несомненно поможет составить более полное представление об этом творческом коллективе. Серьезность и глубина репертуарных поисков очевидны. Разве что за явный расчет на скандальную известность «Интердевочки» В. Кунина можно было бы укорить театр. Но в конце концов не на донских берегах родилась эта самая «Интердевочка», да и публика, которая заполняет зал на этом спектакле с особой активностью, тоже не из Ростова к нам привезли. Так что вспомним лучше эпиграф к «Ревизору»: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

В. ПОЛУШКО

СМЕЛОСТЬ ВЫБОРА